

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800023671-4

## Маркирование глагола по числу в нахско-дагестанских языках

© 2022 г. А. Н. Закирова

Аспирант Национального исследовательского университета  
“Высшая школа экономики”,  
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20  
aigul.n.zakirova@gmail.com

**Резюме.** В статье предпринимается попытка обзора специализированного маркирования глаголов по числу на материале грамматик нахско-дагестанских языков. Во-первых, обсуждаются возможные способы анализировать такое маркирование: 1) как согласование, т.е. как операцию копирования того или иного морфологического признака, 2) как особую категорию глагольного числа. Во-вторых, в статье обсуждаются способы морфологического выражения числа на глаголах и факторы, которые его обуславливают. Выясняется, что для нахских и аваро-андо-цезских языков характерны в основном такие стратегии маркирования по числу, которые ограничены лексически; при этом сами маркеры числа локализованы в глагольной основе. С другой стороны, во многих ветвях семьи распространена также и другая ситуация, при которой маркирование по числу ограничено определённым набором ТАМ-форм глагола, т.е. грамматическими факторами. В-третьих, рассматривается диахрония маркирования по числу. Делается предположение, что формы глагола, маркированные по числу, часто восходят к конструкциям с причастиями в позиции предиката. Грамматикализация этих конструкций в глагольные формы приводит к тому, что изначально именное маркирование по числу на причастии как вершине именной группы развивается в глагольное маркирование по числу.

**Благодарность.** Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор благодарит Н.Р. Добрушину за ценные замечания и комментарии к черновой версии текста.

**Ключевые слова:** нахско-дагестанские языки, глагол, согласование по числу, глагольное число, внутригенетическая типология.

**Для цитирования:** Закирова А.Н. Маркирование глагола по числу в нахско-дагестанских языках // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 6. С. 102–114. DOI: 10.31857/S160578800023671-4

## Number Marking of the Verb in the East Caucasian Languages

© 2022 Aigul N. Zakirova

Postgraduate student of the HSE University,  
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia  
aigul.n.zakirova@gmail.com

**Abstract.** The purpose of this article is to provide a review of dedicated number marking on verbs in the East Caucasian languages. The review is based on the data drawn from grammatical descriptions. First of all, possible ways to analyze number marking on verbs are discussed: 1) as agreement, i.e. as an operation by which morphological features are copied from one word form onto another, 2) as a special category of verbal number. Second, the article discusses the ways in which number is marked on verbs and the factors by which this marking is conditioned. As it turns out, the Nakh and the Avar-Ando-Tsez branches feature number marking strategies, which are limited to a lexically defined set of verbs. Number markers in this

case are localized in the verb stem. On the other hand, in many branches of the family, a different situation is also common: number marking is conditioned by the TAM-forms of the verb, i.e. by grammatical factors. Third, the diachrony of number marking is considered. The article proposes that the verb forms which are marked for number often go back to copular constructions where the predicate position is occupied by a participial form. As a result of grammaticalization of these constructions into verbal forms, the original nominal number marking on the participle develops into verbal number marking.

**Acknowledgements.** The support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged. The author also thanks N.R. Dobrushina for valuable remarks and comments on the draft version of the text.

**Key words:** East Caucasian languages, Nakh-Dagestan languages, verb, number agreement, verbal number, intragenetic typology.

**For citation:** Zakirova, A.N. *Markirovanie glagola po chislu v nahsko-dagestanskih yazykah* [Number Marking of the Verb in the East Caucasian Languages]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 6, pp. 102–114. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800023671-4

Языки нахско-дагестанской семьи распространены главным образом на территории трёх субъектов Российской Федерации: Республики Дагестан, Чеченской Республики и Республики Ингушетия. Кроме того, небольшая часть носителей нахско-дагестанских языков проживает на территории соседних государств — Грузии и Азербайджана. База данных языков мира Glottolog 4.0 [1] насчитывает 34 языка нахско-дагестанской семьи, хотя, по-видимому, это число следует считать приблизительным из-за значительной диалектной раздробленности большинства этих языков.

В нахско-дагестанских языках имеются разнообразные механизмы согласования: так, в разных языках семьи засвидетельствовано согласование по грамматическому классу (роду), числу, лицу, одушевлённости и косвенности. Некоторым из этих механизмов посвящены обзорные статьи: среди них можно назвать статью о классно-числовом согласовании Д. Форкер [2], работы о согласовании по лицу А.Е. Кибрика и М.Г. Селезнёва [3], Й. Хельмбрехта [4] и Н.Р. Сумбатовой [5], работы о согласовании по косвенности А.Е. Кибрика [6] и М.А. Даниэля [7].

Если говорить о стратегиях согласования, типичных для глагольных словоформ, то для нахско-дагестанского глагола прежде всего характерно классно-числовое согласование, которое встречается во всех ветвях семьи и возводится к пранахско-дагестанскому языку [8, с. 184–187]; [9]; [10]; [2]. Приведем пример такого согласования из багвалинского языка, в котором каждое существительное относится к одному из трёх классов — мужскому (М), женскому (Ж) или среднему (Н), а глагол согласуется с ним в классе и числе. При этом во множественном числе

показатели мужского и женского классов совпадают (гlossa НРЛ), но противопоставлены среднему классу (НРЛ):

(1) БАГВАЛИНСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ) [11, с. 64–65]

|         |                         |            |                          |
|---------|-------------------------|------------|--------------------------|
| a. wafa | w-iki                   | d. wafa-bi | b-iki-r                  |
| мальчик | м-останавливаться       | мальчик-PL | НРЛ-останавливаться-НРЛ  |
|         | ‘Мальчик остановился’.  |            | ‘Мальчики остановились’. |
| b. jaf  | j-iki                   | e. jafi-bi | b-iki-r                  |
| девочка | f-останавливаться       | девочка-pl | hpl-останавливаться-hpl  |
|         | ‘Девочка остановилась’. |            | ‘Девочки остановились’.  |
| c. sama | b-iki                   | f. sama-bi | r-iki                    |
| осел    | n-останавливаться       | осел-pl    | npl-останавливаться      |
|         | ‘Осел остановился’.     |            | ‘Ослы остановились’.     |

Согласование по лицу, по-видимому, является инновацией в отдельных ветвях нахско-дагестанской семьи. Имея разные диахронические источники, системы согласования по лицу в нахско-дагестанских языках устроены по-разному; за примерами мы отсылаем читателя к работам Й. Хельмбрехта [4] и Н.Р. Сумбатовой [12].

Помимо механизмов классно-числового и личного согласования, некоторые языки нахско-дагестанской семьи имеют специализированные механизмы согласования глагола по числу, то есть такие, при которых согласование выражается отдельно, а не кумулятивно с классным согласованием. Таким специализированным механизмам и посвящена эта статья.

Дальнейшее изложение устроено следующим образом. В разделе 1 глагольное согласование по числу обсуждается в ряде внешне похожих явлений — прежде всего в сравнении с категорией глагольного числа. В разделе 2 проводится обзор маркирования по числу на глагольных формах в нахско-дагестанских языках; при этом рассматриваются как случаи согласования, так и случаи

глагольного числа. Для разных случаев обсуждаются способы морфологического выражения маркирования и факторы, которые обуславливают маркирование по числу. Обзор охватывает все встретившиеся нам типы маркирования, но не претендует на полное перечисление всех случаев маркирования во всех языках семьи. Раздел 3 посвящён диахроническим источникам маркирования по числу. В Заключение подводятся итоги исследования.

### 1. Глагольное маркирование по числу: согласование по числу и внешне похожие явления

За маркированием глагола по числу могут стоять разные явления. С одной стороны, числовое маркирование на глаголе может быть случаем **согласования** – морфосинтаксической операции, при которой число *контролёра* согласования (в данном случае именной группы) дублируется на *мишени* согласования (в данном случае на глаголе). С другой стороны, маркирование глагола по числу может быть манифестацией самостоятельной категории **глагольного числа** (*verbal number*, тж. *глагольная множественность*, *pluractionality*), которая выражает в глаголе количественные характеристики аргумента или количество событий, обозначаемых глаголом [13]; [14]; [15]; [16]; [17]. Выбор, анализировать ли то или иное явление как согласование глагола по числу или как категорию глагольного числа, зависит в первую очередь от того, существует ли обязательная зависимость между числом именной группы и числом на глаголе. Например, в примере (2b) из статьи М. Митун [18] множественное число участника маркируется на глаголе, но не на ИГ *haku* ‘человек’, что является аргументом в пользу постулирования в языке инесенью категории глагольного числа.

(2) ИНЕСЕНЬЮ (< ЧУМАШ) [19, с. 458]

- |    |                                                      |                         |                             |
|----|------------------------------------------------------|-------------------------|-----------------------------|
| a. | s.iy. <i>axi-</i><br>3PL.ITERATIVE<br>‘Они танцуют’. | <i>kum</i><br>танцевать |                             |
| b. | s.iy. <i>axi-</i><br>3PL.ITERATIVE<br>‘Они танцуют’. | <i>kum</i><br>танцевать | <i>ha-ku</i><br>ART-человек |

В типологических работах отмечалось, что глагольное число имеет некоторые свойства, отличающие его от согласования. Наличие этих свойств не обязательно говорит о том, что то или иное явление следует анализировать как глагольное число, а скорее представляет собой типологический фон для сравнения.

Во-первых, глагольное число имеет тенденцию выражаться в глагольной основе – с помощью чередований или же супплетивных вариантов основы, а также с помощью редупликации [13].

Во-вторых, глагольное число тяготеет к маркированию числа S/P-участника, в то время как глагольное согласование в большинстве языков мира контролируется S/A-участником [20]; [13]; [21, с. 84]. В случае нахско-дагестанских языков, однако, это свойство оказывается тривиально верным из-за эргативного строя предложения, при котором глагольное согласование также происходит с S/P-участником.

В-третьих, глагольное число нередко выражается только на лексически заданном множестве глаголов, в то время как остальные глаголы остаются немаркированными [14, с. 257–258]; [24].

В сборнике под редакцией П. Аквавивы и М.А. Даниэля [23, с. 882, 891] предлагается точка зрения, что синтаксическое глагольное согласование с ИГ, маркированной по числу, и независимое глагольное число не образуют бинарного противопоставления: скорее, это точки континуума, между которыми существуют и промежуточные случаи. Для некоторых языков имеются сильные аргументы в пользу выделения категории глагольного числа, в других же несовпадение числа на глаголе с числом ИГ-контролёра может рассматриваться как семантическое согласование, т.е. имеет место ситуация, промежуточная между глагольным согласованием и глагольным числом. Кроме того, глагольное согласование по числу и категория глагольного числа не только демонстрируют синхронное сходство, но и могут быть связаны диахронически: так, Г. Корбетт [14, с. 256] приводит примеры развития глагольного числа в глагольное согласование.

В то время как согласование глагольных форм по числу в нахско-дагестанских языках обычно происходит с абсолютным (S/P-) аргументом, в некоторых языках нахско-дагестанской семьи императивные и прохибитивные формы согласуются не с абсолютным, а с адресатом каузации. Например, в мегебском даргинском показатель множественного числа императива *-na* контролируется числом адресата:

(3) МЕГЕБСКИЙ ДАРГИНСКИЙ (< ДАРГИНСКИЕ) [24, с. 122–123]

- |    |                                                                                                       |
|----|-------------------------------------------------------------------------------------------------------|
| a. | <i>b-ak'-e-na!</i><br>HPL-прийти.PFV-IMP-IMP.PL<br>‘Подойдите ко мне!’ {обращение к нескольким людям} |
|----|-------------------------------------------------------------------------------------------------------|

- b. *b-aʰbʔ-a* *urf-be!*  
HPL-УБИТЬ.PFV-IMP.TR мальчик-PL  
'Убей этих мальчиков!'
- c. *w-aʰbʔ-a-na* *rasul!*  
M-УБИТЬ.PFV-IMP.TR-IMP.PL Расул  
'Убейте Расула!' {обращение к нескольким  
людям}

Так как показатель *-na* присоединяется к императивным формам 2 лица, возникает вопрос, следует ли рассматривать это явление как согласование только по числу или же мы имеем дело с кумулятивным согласованием по лицу и числу. Кроме того, особенности контроля согласования также являются аргументом в пользу того, что перед нами не обычное согласование по числу, а некоторое другое явление.

Итак, за числовым маркированием на глаголе может стоять согласование глагола по числу с именными группами, категория глагольного числа или же согласование императивных форм с адресатом. Так как в этом исследовании мы опираемся в основном на данные грамматик, во многих случаях различие этих ситуаций оказывается проблематичным. Таким образом, мы будем рассматривать все три типа случаев числового маркирования на глаголе. Для разных случаев мы обсудим, какие факторы обуславливают маркирование по числу (лексические vs. грамматические), а также как морфологически выражается такое маркирование.

## 2. Обзор данных

Прежде чем мы перейдём к обсуждению морфологических средств маркирования по числу в нахско-дагестанских языках, необходимо кратко описать структуру нахско-дагестанской семьи. Она состоит из следующих ветвей:

нахская ветвь (чеченский, ингушский, цова-тушинский);

аваро-андо-цезская ветвь (аварская ветвь: *аварский*; андийская ветвь: *ахвахский*, *андийский*, *багвалинский*, *тиндинский*, *ботлихский*, *гособеринский*, *чамалинский*, *каратинский*, *тукутинский*; цезская ветвь: *бежтинский*, *гунзибский*, *цезский*, *гинухский*, *хваришинский*);

даргинская ветвь (диалектный континуум, в котором в настоящее время принято выделять несколько даргинских языков [25]);

лезгинская ветвь (*арчинский*, *табасаранский*, *агульский*, *лезгинский*, *удинский*, *будухский*, *крызский*, *рутульский*, *цахурский*);

лакская ветвь (*лакский*);

хиналугская ветвь (*хиналугский*).

Факторы маркирования по числу в нахско-дагестанских языках можно разделить на две группы: лексические (некоторые глагольные лексемы маркируются по числу, а другие не маркируются) и грамматические (некоторые глагольные формы маркируются по числу, а другие не маркируются). При этом существует корреляция между факторами маркирования по числу и его морфологическим выражением: если маркирование обусловлено лексически, то оно обычно выражается в основе (корне), если же оно обусловлено грамматически, то чаще всего оно выражается на правой периферии глагольной формы. Эту закономерность можно проследить в Таблице 1, суммирующей данные разделов 2.1–2.3.

### 2.1. Согласование по числу, обусловленное лексически

В этом разделе речь пойдёт о случаях, когда специализированное маркирование по числу является лексическим свойством определённого круга глаголов. В таком случае морфологически оно обычно выражается в глагольном корне или в морфеме, расположенной в непосредственном контакте с ним, например, при помощи чередований или супплетивных вариантов глагольного корня, посредством инфиксов или при помощи суффиксов, непосредственно примыкающих к корню.

#### 2.1.1. Согласование по числу, выражаемое в глагольном корне

Глагольное маркирование по числу может выражаться в корне. Частный случай такого механизма — это чередование сегментов корня по определённым правилам. Например, во всех языках андийской ветви, кроме ботлихского, тукутинского и нижнеандийских диалектов, формы множественного числа от некоторых глаголов образуются посредством чередования гласного, следующего за КЧП (т.н. *глагольный аблаут*). Приведем пример из зиловского диалекта андийского языка:

(4) АНДИЙСКИЙ (<АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

a. *armil-ʔa-k:u* *den* *ifi-wa* *w-uʔo*  
армия.OBL-SUP-EL я дом-M:DIR M-прийти.AOR  
'Я пришел домой из армии' (текст).

b. *he-de-w* *ʕalimadu-l* *w-oʔo* *honol-di*  
DEM-SL-M ученый.PL-PL M-PL.прийти DEM.OBL-LAT  
'Эти ученые пришли сюда' (текст).

Согласование по числу выражается не только в финитных клаузах, но также и в нефинитных, ср. пример (5), в котором согласование по числу

наблюдается на атрибутивизованной форме глагола:

(5) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

|                                      |                      |              |
|--------------------------------------|----------------------|--------------|
| <i>if:i-l</i>                        | <i>j-oʔinn-e-s:i</i> | <i>miq'i</i> |
| мы.EXCL-PL                           | F-PL.уйти-НАВ-ATR    | дорога       |
| 'дорога, по которой мы идем' (элиц.) |                      |              |

В зилловском андийском чередование гласного в корне наблюдается только у тех глаголов, которые после КЧП имеют гласные верхнего подъема (в мужском классе *u*, в остальных — *i*). Таким образом, описанный механизм является чередованием корня, которое ограничено лексически. Несмотря на это, глагольный аблаут ведет себя как согласование, а не как глагольное число: маркирование на глаголе строго коррелирует с маркированием на абсолютном аргументе.

В то время как в андийском языке формы множественного числа доступны при согласовании как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными, в некоторых других языках андийской ветви такое глагольное маркирование возможно только для существительных, обозначающих людей. Так, в каратинском языке существительное мужского класса *wafa* 'мальчик' во множественном числе вызывает чередование гласного в глагольном корне (6а, с), а существительное *ʒama* 'осел' такого чередования не вызывает (6б, d).

(6) КАРАТИНСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ) [26, с. 114]

|                   |               |                   |                   |
|-------------------|---------------|-------------------|-------------------|
| a. <i>wafa</i>    | <i>w-oʔa</i>  | c. <i>wafa-j</i>  | <i>b-aʒwa</i>     |
| мальчик           | M-прийти.AOR  | мальчик-PL        | HPL-PL.прийти.AOR |
| 'Мальчик пришел'. |               | 'Мальчики пришли' |                   |
| b. <i>ʒama</i>    | <i>b-eʒwa</i> | d. <i>ʒama-j</i>  | <i>r-eʒwa</i>     |
| осел              | N-прийти.AOR  | осел-PL           | NPL-прийти.AOR    |
| 'Осел пришел'.    |               | 'Ослы пришли'.    |                   |

Типологически такая картина представляется ожидаемой, так как согласование по числу гораздо чаще вызывается одушевленными контроллерами, чем неодушевленными [27, с. 184–185]. С другой стороны, ещё одна причина, которая могла бы мотивировать чередование гласного в глагольной форме NPL, лежит в диахронической плоскости. В большинстве андийских языков показатель среднего класса (N) и показатель NPL совпадают, имея вид *-b-* [8, с. 102]: ср. пример (1) из багвалинского. Это совпадение могло бы привести к неразличению глагольных форм с показателями N и NPL. В багвалинском различению форм N и NPL помогает суффиксальный КЧП *-r*. Можно предположить, что в андийских языках, имеющих

чередование гласного в корне, это чередование также служит различению форм N и NPL.

Другой, менее распространенный тип выражения числа в глагольных корнях, — это нерегулярные чередования и супплетивизм. В гагатлинском андийском так ведут себя глаголы *wok'ulidu* 'плакать' (мн. ч. *wok'ul:idu*, *l* → *l:*), *wuk:udu* упасть (мн. ч. *wuk'udu*, *k* → *k'*), *wutlidu* закончиться (мн. ч. *wugin:u*, супплетивная основа), *wuxidu* убрать (мн. ч. *wux:udu*, *xi* → *x:u*) [28, с. 181–182]. О поведении этих глаголов у нас меньше данных, так что трудно с уверенностью сказать, имеем ли мы дело с согласованием или глагольным числом.

Маркирование по числу в глагольных корнях посредством чередований обнаруживается также в нахских языках, — чеченском [29, с. 201–205], ингушском [30, с. 313–318] и цова-тушинском [31, с. 151]. Во всех трёх языках возможность такого согласования является лексической характеристикой основы, а способы его выражения в целом являются когнатными. Так, во всех языках нахской ветви имеются глаголы с чередованием *ll* → *χk*; в чеченском и ингушском есть глаголы с общим чередованием *d* → *lχ*, а в чеченском и цова-тушинском — глаголы с когнатным чередованием *a* → *ow* (в цова-тушинском *ow* соответствует *ap*).

В нахских языках имеются и другие чередования:

(7) ИНГУШСКИЙ (< НАХСКИЕ) [30, с. 313].

|    |             |                   |
|----|-------------|-------------------|
| a. | <i>yʒ</i>   | <i>wa-xeira</i>   |
|    | 3SG         | ВНИЗ-сесть.PST    |
|    | 'Он сел'.   |                   |
| b. | <i>yʒh</i>  | <i>wa-xeishar</i> |
|    | 3PL         | ВНИЗ-сесть.PL.PST |
|    | 'Они сели'. |                   |

### 2.1.2. Суффиксы и инфиксы

Механизмы специализированного маркирования глаголов по числу имеются и в восточноцезских языках — гунзибском [32, с. 81] и бежтинском [33, с. 336–359]. Как и в андийских языках, множественное число глаголов в цезском и бежтинском образуется с помощью разнообразных лексически ограниченных морфологических операций в корне. В [32] для гунзибского и в [33] для бежтинского эти операции описываются как суффиксация и инфиксация. Например, в гунзибском выделяются инфикс *-a/ -α/ -ya/ wa* и суффикс *-baa*, которые образуют формы множественного числа примерно от 40% всех глаголов [32, с. 81–83].

Пример глагола с инфиксальным показателем множественного числа — гунзибский глагол ‘гореть’:

(8) ГУНЗИБСКИЙ (< ЦЕЗСКИЕ) [32, с. 82]

|                       |                                    |
|-----------------------|------------------------------------|
| <i>a. qoqo r-ek'e</i> | <i>b. qoqo-wa r-e&lt;ya&gt;k'e</i> |
| дом N2-гореть.PRS     | дом-PL N2-PL.гореть.PRS            |
| ‘Дом горит’.          | ‘Дома горят’.                      |

Пример глагола с суффиксальным показателем множественного числа — глагол ‘играть’:

(9) ГУНЗИБСКИЙ (< ЦЕЗСКИЕ) [32, с. 22]

|                     |                             |
|---------------------|-----------------------------|
| <i>a. əg k'išaa</i> | <i>b. əg-ra k'iša-baa-Ø</i> |
| тот играть-PRS      | тот-PL играть-PL-PRS        |
| ‘Он играет’.        | ‘Они играют’.               |

Согласно [32], показатели множественного числа глагола в цезских языках могут маркировать не только числовые, но и аспектуальные значения, что говорит о том, что гунзибские глагольные формы множественного числа могут быть ближе к категории глагольного числа, чем андийские формы с аблаутом:

(10) ГУНЗИБСКИЙ (< ЦЕЗСКИЕ) [32, с. 82].

|                                                    |
|----------------------------------------------------|
| <i>a. iyu=ʔabu zuq'u-n lo k'ok'o-r-ar</i>          |
| родители быть-GER быть.NPL болеть-PTCP.PST-PL      |
| ‘Родители заболели’.                               |
| <i>b. iyu=ʔabu zuq'un lo k'o&lt;wα&gt;k'e-r-ar</i> |
| родители быть-GER быть.NPL болеть<PL>-PTCP.PST-PL  |
| ‘Родители часто болели’.                           |

Как и в андийском, в гунзибском глаголы, которые маркируются по числу, маркируются во всех контекстах, будь то финитные или нефинитные формы. Маркирование по числу в глаголах предшествует ТАМ-показателям и показателям словообразовательных категорий, ср. формы каузатива:

(11) ГУНЗИБСКИЙ (< ЦЕЗСКИЕ) [32, с. 149]

|                                                                     |
|---------------------------------------------------------------------|
| <i>q'əra hīč'a-k'-do heresi nis-ār, biq'a-baa-k'-do</i>             |
| ребенок бояться.PL-CAUS-COND ложь сказать-FUT голодать-PL-CAUS-COND |
| <i>žo n-uc-ār</i>                                                   |
| вещь N2-прятать-FUT                                                 |

‘Если ты будешь пугать своих детей, они тебя предадут, если будешь заставлять их голодать, они будут воровать вещи’.

## 2.2. Согласование по числу, выражаемое не в глагольном корне

Рассмотрим теперь случаи маркирования глагола по числу, не зависящие от лексических характеристик глагола. Как правило, в таких

случаях маркирование по числу является свойством отдельных ТАМ-форм глагола.

Например, по числу маркируются формы глагола, имеющие причастное происхождение. В агульском языке долженствовательная форма образуется с помощью суффикса причастия от масдара в генитиве; в позиции предиката к ней присоединяется показатель множественного числа *-ar*, который также встречается на существительных, ср. *bec* ‘бык’ — *bec-ar* ‘быки’ [34, с. 69].

(12) АГУЛЬСКИЙ (< ЛЕЗГИНСКИЕ) [34, с. 143]

|                                                   |
|---------------------------------------------------|
| <i>mi kitab-ar, wa-š ruxub-an-t:ar e</i>          |
| DEM книга-PL ты-ERG читать.MSD-GEN-PTCP.PL-PL COP |
| ‘Эти книги, которые ты должен прочесть’.          |

Кроме долженствовательной формы, маркирование по числу в агульском имеется также на императиве и прохибитиве, ср. аналогичные табасаранские примеры (18–19).

В верхнеандийских диалектах андийского языка суффиксальное маркирование по числу возможно для большинства глагольных форм [35]; [36]. Показатель множественного числа в андийском выглядит единообразно для разных глаголов — *-(V)l* и присоединяется на правой периферии глагола после ТАМ-аффиксов. Такое маркирование возможно в следующих формах глагола: в перфекте (13, только рикванинский говор), прогрессиве (14), будущем (15), императиве непереходных глаголов (16) и хабитуалисе (17).

(13) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Риквани

|                                                               |
|---------------------------------------------------------------|
| <i>rejɟɟur b-erɟa-b rihil-l'a</i>                             |
| <i>w-ogo-d-il if:il he-ge-w</i>                               |
| война N1-начаться-PTCP.PST время.OBL-SUP.ESS                  |
| М-PL.прийти-PRF-PL мы.EXCL DEM-LL-M                           |
| <i>kurtʃalil-tu</i>                                           |
| Курчалой-ESS                                                  |
| ‘Когда война началась, мы переехали в этот Курчалой’ (текст). |

(14) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

|                                              |
|----------------------------------------------|
| <i>gurdibo-l gelgedi-r-(il) fipaneru-la</i>  |
| рубашка.PL-PL висеть-PROG-PL шкаф.OBL-IN.ESS |
| ‘Рубашки висят в шкафу’ (элиц.).             |

(15) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

|                                          |
|------------------------------------------|
| <i>he-ge-j-il se-j-kot-ol reɟudu-k:u</i> |
| <i>j-oʔ-ija-l.</i>                       |
| DEM-LL-F-PL один-F-немного-PL после-EL   |
| F-PL.прийти-FUT-PL                       |
| ‘Они придут немного позже’ (элиц.).      |

(16) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

|                                       |
|---------------------------------------|
| <i>hono-b-ul=lo b-oɟi-j ɟan:f:u-j</i> |
| <i>joʃik'wal-ɟo w-oʔo-m-ul</i>        |

DEM-N1-PL=ADD N1-PL.взять-CVB царь.OBL-F(GEN)  
жена.OBL-APUD.LAT M-PL.уйти-IMP-PL  
'Вот эти (вещи) возьмите и идите к жене царя' (текст).

(17) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

*bis:il i-<w>a=k'o* *w-oʔinn-e-l?*  
вы что-M:DIR=WH.HAB M-PL.уйти-НАВ-PL  
'Куда вы ходите?' (элиц.)

В то же время формы аориста типа \**w-oʔo-l* [M-PL.прийти.AOR-PL] отвергались носителями зиловского диалекта как неграмматичные; ни одной такой формы не встретилось в текстах на андийском, рикванинском и зиловском диалектах. Таким образом, оказывается, что возможность согласования зависит от видовременной формы глагола. Верхнеандийский показатель *-(V)l* на большинстве глагольных форм является факкультативным и даже редким (см. количественные данные в [36]); единственным исключением является форма императива, на которой *-(V)l*-маркирование обязательно.

*-(V)l*-маркирование в андийском возможно только при абсолютном аргументе во множественном числе и не несет семантики многократности / дистрибутивности. Это дает основание говорить, что *-(V)l* скорее является согласовательным показателем, а не показателем глагольного числа.

Наконец, в нескольких языках даргинской и лезгинской ветвей маркируются по числу формы императива и прохибитива:

(18) ТАБАСАРАНСКИЙ (< ЛЕЗГИНСКИЕ) [37, с. 275]

a. *bik'* b. *bik'-aj*  
писать.IMP писать.IMP-PL  
'Пиши!' 'Пишите!'

(19) ТАБАСАРАНСКИЙ (< ЛЕЗГИНСКИЕ) [37, с. 275]

a. *mi-bik'-an* b. *mi-bik'-an-aj*  
ПРОН-писать-ПРОН ПРОН-писать-ПРОН-PL  
'Не пиши!' 'Не пишите!'

При этом по крайней мере для некоторых таких случаев отмечается, что маркирование по множественному числу отражает множественность адресата, то есть числовое маркирование на императиве происходит с другим контролёром, чем классное согласование, — ср. пример (3), цитируемый как (20). То же верно для агульского, крызского, а также нескольких даргинских идиомов: ширинского, аштынского, ицаринского, тантынского [Нина Добрушина, л.с.].

(20) МЕГЕБСКИЙ ДАРГИНСКИЙ (< ДАРГИНСКИЕ) [24, с. 122–123]

a. *b-ak'-e-na!*  
HPL-прийти.PFV-IMP-IMP.PL  
'Подойдите ко мне!' { обращение к нескольким людям}

b. *b-aʔbʔ-a* *urf-be!*  
HPL-убить.PFV-IMP.TR мальчик-PL  
'Убей этих мальчиков!'

c. *w-aʔbʔ-a-na* *rasul!*  
M-убить.PFV-IMP.TR-IMP.PL Расул  
'Убейте Расула!' { обращение к нескольким людям}

### 2.3. Промежуточные случаи

Кроме случаев маркирования, обусловленных лексически (раздел 2.1), и случаев, обусловленных грамматическими характеристиками (раздел 2.2), нам попался промежуточный случай: в тукитинском языке у части глаголов формы аориста множественного числа имеют конечный *i* (21). При этом такая мена *a → i* характерна не для всех глаголов. Таким образом, в тукитинском маркирование по числу одновременно лексически ограничено и зависит от грамматической формы глагола.

(21) ТУКИТИНСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ) [26, с. 117]

a. *w-ota* d. *b-et-i*  
M-исчезнуть HPL-исчезнуть-PL  
'[Он] потерялся.' '[Они (одуш.)] потерялись.'

b. *j-eta*  
F-исчезнуть  
'[Она] потерялась.'

c. *b-eta* f. *r-et-i*  
N-исчезнуть HPL-исчезнуть-PL  
'[Оно] потерялось.' '[Они (одуш.)] потерялись.'

### 2.4. Промежуточные итоги

В этом разделе были рассмотрены несколько случаев маркирования глаголов по числу в нахско-дагестанских языках. Данные в таблице 1 не претендуют на полноту: например, в ней не учтено множество конструкций с причастием в позиции предиката, устроенных примерно так же, как агульская долженствовательная конструкция. Представляется, однако, что случаи согласования, перечисленные в таблице 1, могут послужить базой дальнейших исследований числового маркирования на глаголах в нахско-дагестанских языках.

**Таблица 1. Маркирование глаголов по числу в нахско-дагестанских языках**

| Языки                                                                                                                                     | Лексические / грамматические ограничения      | Морфологические средства выражения                      | Где локализовано                   | Согласование или глагольное число?       |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----------------------------------------------|---------------------------------------------------------|------------------------------------|------------------------------------------|
| андийские (верхнеандийские диалекты, каратинский, чамалинский, тиндинский, годоберинский, ахвахский, багвалинский)                        | лексические                                   | глагольный аблаут                                       | в корне                            | согласование                             |
| верхнеандийские диалекты                                                                                                                  | лексические                                   | супплетивные варианты основы                            | в корне                            | ?                                        |
| нахские (чеченский, ингушский, цова-тушинский)                                                                                            | лексические                                   | супплетивные варианты основы                            | в корне                            | ?                                        |
| цезские (восточноцезские: бежтинский, гунзибский)                                                                                         | лексические                                   | суффиксы и инфиксы                                      | в корне или непосредственно за ним | есть контексты, типичные для глаг. числа |
| андийский                                                                                                                                 | грамматические (большинство ТАМ-форм глагола) | суффикс <i>-(V)l</i>                                    | на правой периферии словоформы     | согласование                             |
| агульский                                                                                                                                 | грамматические (долженствование наклонение)   | суффикс <i>-ar</i>                                      | на правой периферии словоформы     | ?                                        |
| тукидинский                                                                                                                               | лексические и грамматические                  | конечное <i>-i</i> (чередование гласных или же суффикс) | на правой периферии словоформы     | ?                                        |
| даргинские (ширинский, аштынский, ицаринский, тантынский); лезгинские: табасаранский, крызский, агульский, арчинский, удинский, будухский | грамматические (формы императива и прохитива) | суффиксы                                                | на правой периферии словоформы     | ?                                        |

Из данных в таблице 1 можно вывести следующие закономерности: для нахских и аваро-андо-цезских языков характерно маркирование по числу в основе глагола, которое оказывается ограничено определённым кругом лексем. В языках мира такое поведение характерно для глагольного числа, а не для согласования по числу, однако только для цезских языков мы располагаем аргументами в пользу такого анализа. Это может быть связано как с неполнотой грамматических описаний нахско-дагестанских языков, так и с их типологически нетривиальными свойствами: в конце концов, и классно-числовое согласование в нахско-дагестанских языках является лексически ограниченным и маркируется контактно с корнем.

В лезгинской ветви число часто маркируется в императивных и прохитивных формах, причём по крайней мере в части языков это число адресата, а не абсолютного аргумента.

### 3. Диахронические источники числового маркирования на глаголе

Происхождению глагольного согласования по лицу посвящена обширная литература. Чаще всего показатели личного согласования развиваются из личных местоимений [38, с. 399–437]; [39]; [40]; [41, с. 322], но засвидетельствованы и другие источники [42]. Согласовательные показатели числа на глаголе нередко восходят к именным показателям множественного числа; возможное объяснение этому заключается в именном происхождении глагольных форм [23, с. 891].

Рассмотрим происхождение согласовательных показателей числа в нахско-дагестанских языках.

Согласно [8, с. 189–190], согласование по числу с помощью аблаута гласного, представленное в андийских языках, может быть достаточно древним явлением, которое имеет когнаты в цезских языках, где определённые чередования гласных передают видовые противопоставления. О происхождении супплетивных вариантов основы, маркирующих число, нам ничего не известно.

В [8, с. 107–110] высказывалась идея, что многие синтетические формы глагола по происхождению являются перифрастическими. В частности, наличие именных показателей числа в агульской долженствовательной конструкции (12) можно объяснить происхождением глагольных форм, используемых в этих конструкциях, от причастий.

Это же объяснение применимо к верхнеандийскому *-(V)l*: именные предикаты, в частности прилагательные, в верхнеандийских диалектах

всегда присоединяют именной показатель множественного числа  $-(V)l$ :

(22) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

|                   |                 |              |
|-------------------|-----------------|--------------|
| <i>he-ge-w-ul</i> | <i>baɔo-l /</i> | <i>*baɔu</i> |
| DEM-LL-M-PL       | красивый-PL     | красивый     |

‘Они красивые’ (элиц.).

Конструкция с причастием прошедшего времени на  $-b$ , семантика которой может быть предва- рительно охарактеризована как результирующая, также требует согласования причастия по числу:

(23) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

|                 |                      |                 |
|-----------------|----------------------|-----------------|
| a. <i>uturu</i> | <i>ɣoro-ɣa</i>       | <i>w-uk'o-b</i> |
| жизнь           | овца.PL.OBL-APUD.ESS | М-быть-PTCP.PST |

‘Он всю жизнь провел с баранами’ {т.е. был чабаном} (текст).

|                    |                         |                 |
|--------------------|-------------------------|-----------------|
| b. <i>he-tt'ej</i> | <i>w-oɔo-b-ul</i>       | <i>he-w-ul.</i> |
| DEM-MAN            | М-PL.прийти-PTCP.PST-PL | DEM-M-PL        |

{Расскажи им историю.} ‘Они для этого пришли’ (текст).

В зиловском диалекте также есть хабитуальное причастие на  $-ija$ , которое употребляется в позиции предиката. Однако в этой позиции оно чаще всего не присоединяет показателя  $-(V)l$ , ср. пример из текста:

(24) АНДИЙСКИЙ (< АВАРО-АНДИЙСКИЕ), с. Зило

|                         |                             |
|-------------------------|-----------------------------|
| <i>itli-di=gu=lo</i>    | <i>he-ge-b-ul</i>           |
| <i>dana-ɔo</i>          | <i>wasɔpitywat dzid-ija</i> |
| мы.INCL.OBL-ERG=INT=ADD | DEM-LL-Nl-PL                |
| вещь.PL.OBL-SUP.LAT     | воспитывать                 |
| <i>motf'il</i>          | делать-FUT                  |
| ребенок.PL              |                             |

‘Мы на этом должны воспитывать детей’ (текст).

Вариативное поведение формы на  $-ija$  можно рассматривать как аргумент в пользу того, что  $-(V)l$ -согласование — это “атавизм”, сохранившийся в редуцированном виде с тех времен, когда форма на  $-ija$  была частью причастной конструкции.

Такая же трактовка возможна для формы переходного императива, которая совпадает с причастием на  $-b$  и при множественном числе адресата всегда присоединяет  $-(V)l$ . С другой стороны, согласование форм прогрессива, хабитуалиса и риквантинского перфекта оказывается сложнее объяснить таким образом: так, формам прогрессива и перфекта соответствуют некоторые нефинитные формы (масдар и простой конверб), но эти формы не имеют в современном зиловском андийском причастных употреблений. Форма хабитуалиса не имеет никаких нефинитных

употреблений. Конечно, для таких форм, как хабитуалис, можно постулировать выравнивание в результате аналогии, однако апелляция к аналогии снижает силу объяснения. Более детальное обсуждение см. в статье А.Н. Закировой [36].

Путь развития, подобный описанному выше, предлагается также для гунзибского и бежтинского языков: согласно [43, с. 448]; [8, с. 157], маркирование множественного числа на глаголах произошло от суффиксов множественного числа существительных. Действительно, в современном гунзибском языке имеются, помимо других, суффиксы множественного числа  $-wa$ ,  $-ya$ ,  $-ba$ ,  $-a$  [32, с. 39–41].

Однако в таком случае в бежтинском и гунзибском развитие показателей множественного числа, по-видимому, зашло ещё дальше, чем в андийском. Так, в бежтинском согласование по числу лексически задано, но если определённая лексема согласуется по числу, то согласование для этой лексемы обязательно в любой форме [Заира Халилова, л.с.]. В то время как в андийских диалектах суффиксы множественного числа присоединяются после словоизменительных показателей времени и наклонения, в гунзибском и бежтинском показатели множественного числа интегрированы в корень (в случае инфиксов) или сразу следуют за ним (в случае суффиксов) [32, с. 81]; [33, с. 336–359]. Более того, числовое маркирование на глаголах, которого мы бы не ожидали в исходной причастной конструкции, в этих языках иногда имеет прочтения, связанные с множественностью ситуаций. Таким образом, если реконструкция Э.А. Ломтадзе верна, то мы имеем дело с грамматикализацией глагольного числа из глагольного согласования по числу, которое противоположно засвидетельствованному прежде направлению.

### Заключение

В этой статье мы рассмотрели маркирование глагольных форм по числу в нахско-дагестанских языках.

Как выяснилось, в нахских и аваро-андо-цезских языках маркирование по числу чаще всего локализовано в основе глагола и ограничено определённым кругом лексем. Кроме того, есть случаи маркирования по числу на правой периферии глагольной словоформы, причём показатель числа тождествен именному показателю множественного числа. Скорее всего, такие случаи объясняются причастным происхождением глагольной формы.

Особняком стоит числовое маркирование императивных и прохибитивных форм в лезгинской и даргинской ветвях: по крайней мере в части языков на этих формах маркируется число адресата каузации, а не абсолютного аргумента.

Числовое маркирование, локализованное в корне, внешне напоминает скорее категорию глагольного числа, а не согласование по числу, однако только для цезских языков имеются аргументы в пользу этой точки зрения. Это может быть связано с неполнотой грамматических описаний нахско-дагестанских языков или с их типологически нетривиальными свойствами: так, в нахско-дагестанских языках классно-числовое согласование тоже является лексически ограниченным и маркируется контактно с корнем.

Что касается диахронических источников показателей числа на глаголе, были идентифицированы следующие: исходно видовые чередования в корне, показатели опатива и именные показатели множественного числа. Если верна гипотеза о происхождении гунзибского и бежтинского инфиксального и суффиксального маркирования, то эти языки представляют собой интересный пример развития согласования по числу в категории глагольного числа.

Дальнейшее изучение маркирования по числу глагольных форм, на наш взгляд, должно сосредоточиться на более точном установлении природы глагольного маркирования в рассмотренных случаях с помощью текстов и элицитации.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ADD — аддитивная частица, AOR — аорист, APUD — локализация возле ориентира, ART — артикль, CAUS — каузатив, COND — условное наклонение, CVB — деепричастие, DEM — указательное местоимение, DIR — директив, EL — элатив, ERG — эргатив, ESS — эссив, EXCL — эксклюзивное местоимение, F — женский класс, FUT — будущее время, GEN — генитив, GER — герундий, HAV — хабитуалис, HPL — множественное число класса людей, IMP — императив, IN — инессив, INCL — инклюзивное местоимение, INT — интенсифицирующая частица, ITERATIVE — итератив, LAT — латив, LL — местоимение нижнего уровня, M — мужской класс, MAN — наречие образа действия, MSD — масдар, N — неодушевленный класс, NPL — множественное число неодушевленного класса, OBL — косвенная основа, PFV — перфектив, PL — множественное число, PRF — перфект, PROG — прогрессив, PRON — прохибитив, PRS — настоящее

время, PST — прошедшее, PTCP — причастие, SG — единственное число, SL — указательное местоимение среднего уровня (на одном уровне с говорящим), SUP — локализация над ориентиром, TR — переходность, WH — вопросительное слово.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Hammarström H., Forkel R., Haspelmath M., Bank S. Glottolog 4.4. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <https://doi.org/10.5281/Zenodo.4761960>. (доступно онлайн по адресу <http://glottolog.org>). 2021.
2. Forker D. Gender agreement is different // *Linguistics*. 2018. Vol. 56(4). P. 865–894.
3. Кибрик А.Е., Селезнев М.Г. Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // А.Е. Кибрик (ред.). *Табасаранские этюды*. М., 1982. С. 17–33.
4. Helmbrecht J. The syntax of personal agreement in East Caucasian languages // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 1996, Vol. 49 (2), P. 127–148.
5. Sumbatova N. Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems // Authier G., Maisak T. (eds.). *Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages*. Bochum: Diversitas linguarum, 2011. P. 313–160.
6. Kibrik A. Je. Direct-oblique agreement of attributes in Daghestanian // Plank F. (ed.) *Double case: agreement by Suffixaufnahme*. Oxford, 1995, P. 216–229.
7. Даниэль М.А. Согласование по косвенности в нахско-дагестанских языках: обзор эмпирических данных // *Рема*. 2021. № 2. С. 102–130.
8. Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988.
9. Bond O., Corbett G.G., Chumakina M., Brown D. *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. Oxford University Press, 2016.
10. Ганенков Д.С., Майсак Т.А. Падеж, согласование и аргументная структура в нахско-дагестанских языках // *Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. 2017. Т. 13. Ч. 1.
11. Татевосов С.Г. Части речи. Категория класса // Кибрик А.Е., Татевосов С.Г., Лютикова Е.А., Казенин К.И. (ред.). *Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари*. М.: Наследие, 2001.
12. Сумбатова Н.Р. Личная иерархия и личное согласование в языках нахско-дагестанской семьи // Ландер Ю.А., Сумбатова Н.Р. *Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 540–565.

13. Durie M. The Grammaticization of Number as a Verbal Category // *Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1986, P. 355–368. doi:10.3765/bls.v12i0.1876.
14. Corbett G.G. *Number*. Cambridge, 2000.
15. Mattioli S. *Typology of pluractional constructions in the languages of the world*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019.
16. Mattioli S. Pluractionality: A cross-linguistic perspective. *Language and Linguistics Compass*. Vol. 14 (3). doi:10.1111/lnc3.12366. 2020.
17. Шлуинский А.Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // *Вопросы языкознания*. 2006. №. 1. С. 46–75.
18. Mithun M. Lexical categories and the evolution of number marking // Hammond M., Noonan M. (eds.). *Theoretical Morphology: Approaches in Modern Linguistics*. New York: Academic Press, 1988. P. 211–234.
19. Applegate R.B. *Ineseño Chumash Grammar*. Doctoral dissertation, University of California, Berkeley, CA, 1972.
20. Frajzyngier Z. Ergativity, number, and agreement // *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1985. Vol. 11. P. 96–106.
21. Mithun M. *The languages of native North America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
22. Veselinova L. *Suppletion in verb paradigms (Typological Studies in Language, Vol. 67)*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006.
23. Acquaviva P., Daniel M. (eds.). *Number in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Walter de Gruyter GmbH: Berlin / Boston, 2022.
24. Dobrushina N. Moods in Mehweb // Daniel et al. (eds.) *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax*. Berlin: Language Science Press, 2019. P. 117–165.
25. Коряков Ю.Б. Даргинские языки и их классификация // Т. А. Майсак и др. (ред.). *Дурхъаси хазна*, 2021. С. 139–154.
26. Магомедбекова З.М. Каратинский язык: грамматический анализ, тексты, словарь. Тбилиси, 1971.
27. Corbett G.G. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
28. Салимов Х.С. Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала, 2010.
29. Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Грозный, 1960.
30. Nichols J. *Ingush grammar*. Berkeley, 2011.
31. Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык: фонетика, морфология, синтаксис, лексика. Л., 1953.
32. Berg van den H. *A grammar of Hunzib*. München, 1995.
33. Комри Б., Халилов М.Ш., Халилова З.М. Грамматика бежтинского языка: Фонетика. Морфология. Словообразование. Лейпциг – Махачкала, 2015.
34. Магомедов А.А. Агульский язык (Исследование и тексты). Тбилиси, 1970.
35. Закирова А.Н. Согласование по числу в андийском языке: экспансия из парадигмы существительных // *Родной язык*. 2020. № 2. С. 94–123.
36. Закирова А.Н. Согласование прилагательных по числу в андийских диалектах: глагол // Т.А. Майсак, Н.Р. Сумбатова, Я.Г. Тестелец (ред.). *Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р.О. Муталова*. М.: Буки Веди, 2021. С. 94–114.
37. Магомедов А.А. Табасаранский язык: (Исследование и тексты). Тбилиси, 1965.
38. Givón T. *Syntax: an introduction (Vol. 1)*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001.
39. Lehmann Ch. Universal and Typological Aspects of Agreement // Seiler H., Stachowiak F. J. (eds.). *Apprehension, Vol. 2*. Narr, Tübingen, 1982, P. 201–267.
40. Fuß E. The rise of agreement: A formal approach to the syntax and grammaticalization of verbal inflection (Vol. 81). John Benjamins Publishing, 2005.
41. Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H., Rhee S. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
42. Creissels D. Person variations in Akhvakh verb morphology: functional motivation and origin of an uncommon pattern // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2008. № 61 (4). С. 309–325.
43. Ломтадзе Э.А. მრავლობითის წარმოება კაპუჭურ-ჰუნზურ ენის ზმნაში [Образование множественного числа в глаголе капучинско-гунзбского языка] // *Иберийско-кавказское языкознание*. 1953. Т. V. С. 417–446. [На груз. яз.].

## REFERENCES

1. Hammarström, H., Forkel, R., Haspelmath, M., Bank, S. *Glottolog 4.4*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. <https://doi.org/10.5281/Zenodo.4761960>. (available online at <http://glottolog.org>, accessed on 2022.10.29.).
2. Forker, D. *Gender agreement is different*. *Linguistics*. 2018, Vol. 56 (4), pp. 865–894.
3. Kibrik, A.E., Seleznev, M.G. *Sintaksis i morfologiya glagolnogo soglasovaniya v tabasaranskom yazyke* [Syntax and Morphology of Verbal Agreement in Tabasaran]. A.E. Kibrik (red.). *Tabasaranskije etyudy*

- [Studies in Tabasaran]. Moscow, 1982, pp. 17–33. (In Russ.)
4. Helmbrecht, J. *The syntax of personal agreement in East Caucasian languages*. Sprachtypologie und Universalienforschung. 1996, Vol. 49 (2), pp. 127–148.
  5. Sumbatova, N. *Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems*. Authier G., Maisak T. (eds.). Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages. Bochum: Diversitas linguarum, 2011, pp. 313–160.
  6. Kibrik, A.Je. *Direct-oblique agreement of attributes in Daghestanian*. Plank F. (ed.) Double case: agreement by Suffixaufnahme. Oxford, 1995, pp. 216–229.
  7. Daniel, M.A. *Soglasovanie po kosvennosti v nakhsko-dagestanskikh yazykakh: obzor empiricheskikh dannyykh* [Agreement in Obliqueness in East Caucasian: A Formal Survey]. Rhema. 2021, No. 2, pp. 102–130. (In Russ.)
  8. Alekseev, M.E. *Sravnitel'no-istoricheskaya morfologiya avaro-andijskikh yazykov* [Comparative Morphology of the Avar-Andic Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1988. (In Russ.)
  9. Bond, O., Corbett, G.G., Chumakina, M., Brown, D. Archi: *Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. Oxford University Press, 2016.
  10. Ganenkov, D.S., Majsak, T.A. *Padezh, soglasovanie i argumentnaya struktura v nakhsko-dagestanskikh yazykakh* [Case, Agreement and Argument Structure in the East Caucasian Languages]. *Acta linguistica petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN* [Acta linguistica petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences]. 2017, Vol. 13, Part. 1. (In Russ.)
  11. Tatevosov, S.G. *Chasti rechi. Kategoriya klassa* [Parts of Speech. The Category of Noun Class]. Kibrik, A.E., Tatevosov, S.G., Lyutikova, E.A., Kazenin, K.I. (eds.). *Bagvalinskij yazyk: Grammatika. Teksty. Slovori* [Bagvalin Language: Grammar. Texts. Dictionaries]. Moscow, Nasledie Publ., 2001. (In Russ.)
  12. Sumbatova, N.R. *Lichnaya ierarkhiya i lichnoe soglasovanie v yazykakh nakhsko-dagestanskoy semji* [Person Hierarchy and Person Agreement in the East Caucasian Languages]. Lander, Yu.A., Sumbatova, N.R. *Darginskij govor seleniya Tanty: grammaticheskij ocherk, voprosy sintaksisa* [Tanty Dargwa: a Grammar Sketch, Issues in Syntax]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ., 2015, pp. 540–565. (In Russ.)
  13. Durie, M. *The Grammaticization of Number as a Verbal Category*. Proceedings of the Twelfth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1986, pp. 355–368. doi:10.3765/bls.v12i0.1876.
  14. Corbett, G.G. *Number*. Cambridge, 2000.
  15. Mattioli, S. *Typology of pluractional constructions in the languages of the world*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019.
  16. Mattioli, S. *Pluractionality: A cross-linguistic perspective*. Language and Linguistics Compass. Vol. 14 (3). doi:10.1111/lnc3.12366. 2020.
  17. Shluinsky, A.B. *K tipologii predikatnoj mnozhestvennosti: organizaciya semanticheskoy zony* [Towards a Typology of Predicative Plurality: the Structure of the Semantic Zone]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language]. 2006, No. 1, pp. 46–75. (In Russ.)
  18. Mithun, M. *Lexical categories and the evolution of number marking*. Hammond, M., Noonan, M. (eds.). *Theoretical Morphology: Approaches in Modern Linguistics*. New York: Academic Press, 1988, pp. 211–234.
  19. Applegate, R.B. *Ineseño Chumash Grammar*. Doctoral dissertation, University of California, Berkeley, CA, 1972.
  20. Frajzyngier, Z. *Ergativity, number, and agreement*. Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. 1985. Vol. 11, pp. 96–106.
  21. Mithun, M. *The languages of native North America*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
  22. Veselinova, L. *Suppletion in verb paradigms* (Typological Studies in Language, Vol. 67). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006.
  23. Acquaviva, P., Daniel, M. (eds.). *Number in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Walter de Gruyter GmbH: Berlin, Boston, 2022.
  24. Dobrushina, N. *Moods in Mehweb*. Daniel et al. (eds.) *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax*. Berlin: Language Science Press, 2019, pp. 117–165.
  25. Koryakov, Yu.B. *Darginskie yazyki i ikh klassifikaciya* [The Dargwa Languages and Their Classification]. T.A. Majsak et al. (eds.). *Durkhsi khazna*. 2021, pp. 139–154. (In Russ.)
  26. Magomedbekova, Z.M. *Karatinskij yazyk: grammaticheskij analiz, teksty, slovar* [The Karata Language: Grammar Analysis, Texts, Dictionary]. Tbilisi, 1971. (In Russ.)
  27. Corbett, G.G. *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
  28. Salimov, H.S. *Gagatlinskij govor andijskogo yazyka* [The Gagatli Dialect of Andi]. Makhachkala, 2010. (In Russ.)
  29. Yakovlev, N.F. *Morfologiya chechenskogo yazyka* [The Morphology of Chechen]. Grozny, 1960. (In Russ.)
  30. Nichols, J. *Ingush grammar*. Berkeley, 2011.
  31. Desheriev, Yu.D. *Bachbiskij yazyk: fonetika, morfologiya, sintaksis, leksika* [The Batsbi Language: Phonetics, Morphology, Syntax, Vocabulary]. Leningrad, 1953. (In Russ.)

32. Berg van den, H. *A grammar of Hunzib*. München, 1995.
33. Komri, B., Khalilov, M.Sh., Khalilova, Z.M. *Grammatika bezhtinskogo yazyka: Fonetika. Morfologiya. Slovoobrazovanie* [The Grammar of Bezhta: Phonetics, Morphology, Word Formation]. Leipzig – Makhachkala, 2015. (In Russ.)
34. Magometov, A.A. *Agul'skij yazyk (Issledovanie i teksty)* [The Agul Language: a Study and Texts]. Tbilisi, 1970. (In Russ.)
35. Zakirova, A.N. *Soglasovanie po chislu v andijskom yazyke: ekspansiya iz paradigmy sushchestvitelnykh* [Number Agreement in Andi: Expansion from the Nominal Paradigm]. *Rodnoj yazyk* [Mother Language]. 2020, No. 2, pp. 94–123. (In Russ.)
36. Zakirova, A.N. *Soglasovanie prilagatelnykh po chislu v andijskikh dialektakh: glagol* [Number Agreement of Adjectives in Dialects of Andi: the Verb]. T.A. Majsak, N.R. Sumbatova, Ya.G. Testelec (eds.). *Durkhsi khazna. Sbornik statej k 60-letiju R.O. Mutalova* [Durkhasi hazna. Collection of Articles for the 60<sup>th</sup> Anniversary of R.O. Mutalov]. Moscow, Buki Vedi Publ., 2021. S. 94–114. (In Russ.)
37. Magometov, A.A. *Tabasaranskij yazyk: (Issledovanie i teksty)* [Tabasaran: a Study and Texts]. Tbilisi, 1965. (In Russ.)
38. Givón, T. *Syntax: an introduction* (Vol. 1). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001.
39. Lehmann, Ch. *Universal and Typological Aspects of Agreement*. Seiler, H., Stachowiak, F.J. (eds.). *Apprehension*, Vol. 2, Narr, Tübingen, 1982, pp. 201–267.
40. Fuß, E. *The rise of agreement: A formal approach to the syntax and grammaticalization of verbal inflection* (Vol. 81). John Benjamins Publishing, 2005.
41. Kuteva, T., Heine, B., Hong, B., Long, H., Narrog, H., Rhee, S. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
42. Creissels, D. *Person variations in Akhvakh verb morphology: functional motivation and origin of an uncommon pattern*. *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2008, No. 61 (4), pp. 309–325.
43. Lomtadze, E.A. *Mravlobitis c'armoeba k'ap'uč'ur-hunzuri enis zmnaši* [The Formation of Plural in the Hunzib Verb]. *Iberijsko-kavkazskoe yazykoznanie* [Iberian-Caucasian Linguistics]. 1953, Vol. V, pp. 417–446. (In Georgian)

Дата поступления материала в редакцию: 13 сентября 2022 г.  
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 11 октября 2022 г.  
 Статья принята к публикации: 15 октября 2022 г.  
 Дата публикации: 31 декабря 2022 г.

Received by Editor on September 13, 2022  
 Revised on October 11, 2022  
 Accepted on October 15, 2022  
 Date of publication: December 31, 2022